

Инна Проскурjak

СЛЕПОЙ СВИДЕТЕЛЬ

Дела Метростроева

18+

Инна Проскуряк
Слепой свидетель

«Автор»

2026

Проскуряк И.

Слепой свидетель / И. Проскуряк — «Автор», 2026

Он выколол жене глаза на глазах у шестилетнего сына. И исчез на одиннадцать лет. Теперь он вернулся. Майору Ивану Метростроеву достаётся старое дело — пыльная папка с протоколом, от которого стынет кровь. Слепая женщина. Мальчик, считавший удары ножа. Преступник, которого система когда-то покрывала. Но чем глубже Иван копает, тем яснее понимает: это не бытовая месть. За нападением стоит сеть. Сеть, в которой дети — товар, а бывшие чиновники — логисты. И где-то наверху — человек, которого называют Заказчиком. Чтобы добраться до него, Ивану придётся поставить на кон всё. Включая тех, кого он любит.

© Проскуряк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Инна Проскуряк

Слепой свидетель

Пролог

Личное дело прислали в четверг. Бумажное. С канцелярской скрепкой и запахом архивной пыли — кто-то наверху решил, что старые грехи надо разгрести по старинке.

Иван сидел за столом, крутил в пальцах незажжённую сигарету и смотрел на обложку. Дело № 13/4781-К. Самойлова Мария Викторовна, 1983 года рождения. На момент преступления — тридцать лет. Учитель начальных классов средней школы № 87 города Омска.

«На момент преступления» звучало как приговор. Хотя приговора ещё не было.

Он открыл папку. Первой лежала фотография с места происшествия — протокольная, безжалостная в своей сухой композиции. Комната в хрущёвке. Старый диван с вытертой обивкой. На полу — тёмные пятна, которые экспертиза позже квалифицирует как кровь потерпевшей. Кровь скупая, не фонтанирующая — артерии не задеты. Тот, кто работал ножом, знал, куда бить. И главное — знал, зачем.

Иван перевернул снимок лицом вниз. Не потому, что его тошнило от вида крови. Он пятнадцать лет в розыске, видел вещи похуже. Просто на этом фото был ещё и ребёнок. Мальчик шести лет, сидящий в углу кадра — оперативник поленился убрать его из композиции. Лицо мальчика было белым, рот открыт, глаза смотрели в объектив. Он не плакал. Он уже не мог плакать.

Свидетель Кирилл Самойлов, 2007 года рождения. Находился в комнате в момент совершения преступления. Показания давал в присутствии психолога.

Иван отложил фото и взял протокол допроса Марии Самойловой. Допрос проводили через три дня после инцидента, в офтальмологическом отделении ГКБ № 1. Потерпевшая находилась в сознании, речь сохранена, ориентирована во времени и пространстве. Оба глаза закрыты стерильными повязками.

Вопрос следователя: «Мария Викторовна, вы можете описать человека, который на вас напал?»

Ответ: «Это был мой бывший муж. Кречетов Виктор Андреевич. Он пришёл около восьми вечера. Сказал, что хочет поговорить о Кирилле. Я открыла. Он сразу ударил меня в лицо, я упала. Потом он сел сверху и сказал, что я больше никогда не увижу сына».

Вопрос: «Он угрожал вам до этого?»

Ответ: «Он всегда угрожал. Я писала заявления. Три раза. Мне говорили — это семейное, разбирайтесь сами. Когда я подала на развод, он пообещал, что я пожалею. Что он сделает так, что я никогда не смогу смотреть на других мужчин».

Вопрос: «Почему вы не уехали из города?»

Пауза. В протоколе отмечено: потерпевшая молчала 47 секунд.

Ответ: «Мне некуда было ехать. И я не верила, что он это сделает».

Иван закрыл протокол. Закурил в форточку, забыв, что в кабинете нельзя. Дым потянуло в коридор, но ему было плевать.

Кречетов Виктор Андреевич, 1981 года рождения. Бывший боец ММА, в нулевых выступал за регион, потом ушёл в охрану. Работал инструктором по рукопашному бою в ЧОПе «Гранит». К моменту совершения преступления официально нигде не числился. После нападения скрылся. Был объявлен в федеральный розыск. Не найден.

Одиннадцать лет.

Иван пролистнул дело до последней страницы. Там лежала справка из отдела киберпреступности за подписью Гордеева. Серёжа прислал её вчера, без официального запроса, просто пакетом. Друг.

Справка гласила: программа биометрического анализа «Аура» зафиксировала совпадение походки и тембра голоса на записях с городских камер за последние три недели. Объект передвигается по Омску, используя поддельные документы на имя Сергея Ветрова, 1983 г. р. Вероятность совпадения с разыскиваемым Кречетовым В. А. — 89%.

Иван затушил сигарету о подоконник.

Значит, вернулся. Одиннадцать лет тишины — и вдруг объявился в родном городе. Зачем? Что ему здесь нужно сейчас, когда всё уже давно сгорело?

Он посмотрел на папку. На фотографию мальчика.

— Ну что, капитан, работаем? — пробормотал он себе под нос.

Ноутбук на столе даже не мигнул. «Аура» знала, когда её не спрашивают.

Иван встал, надел куртку, сунул папку в портфель и вышел в коридор. Дело одиннадцатилетней давности смотрело на него из темноты пустыми глазницами потерпевшей.

Он не обещал ей справедливости.

Он обещал себе найти Кречетова.

Глава 1

Адрес я знал наизусть. Заучил ещё вчера, когда перечитывал протокол осмотра места происшествия. Улица 3-я Амурская, панельная пятиэтажка, второй подъезд, третий этаж. Та самая квартира, где всё случилось.

Мария Самойлова жила там же.

Это меня удивило. Обычно после такого люди меняют жильё, город, имя — всё, что можно поменять. Либо это упрямство, либо у неё просто не было вариантов. Второе — вероятнее.

Я припарковался у ржавой трансформаторной будки, пересёк двор, обходя лужи пополам с апрельским льдом. Парадная встретила меня запахом хлорки и подгоревшего молока. На стене — свежее граффити: три буквы, неразборчиво, но агрессивно.

Третий этаж. Дверь обитая, старый дерматин, прожжённый в левом верхнем углу. Глазка нет. Вместо него — металлическая пластина на двух шурупах. Заглушка. Зачем слепой женщине глазок?

Я нажал кнопку звонка. За дверью — тишина, потом шаги. Мягкие, осторожные. Пауза.

— Кто?

Голос глуховатый, ровный. Без интонации испуга.

— Майор Метростроев, уголовный розыск. Мария Викторовна, я по старому делу. Можно войти?

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

Она стояла в проёме, держась за косяк левой рукой. Обычная женщина сорока с небольшим лет. Тёмные волосы собраны в хвост, домашний свитер, джинсы. Лицо спокойное, почти застывшее. И глаза — открытые, но смотрящие куда-то мимо меня, в стену за моим плечом. Роговица белёсая, подёрнутая плёнкой. Следов швов не видно, но я знал, что они были.

— Проходите. Обувь снимите, — она отступила вглубь коридора, двигаясь уверенно, без палки. Считала шаги. Знала каждый сантиметр этого пространства.

Я разулся, прошёл за ней в комнату. Та самая комната с фотографии. Только теперь диван был другой, новый, светлый. Стены перекрашены в спокойный бежевый. На подоконнике — герань. Никаких следов той ночи. Мария сама вычистила прошлое или кто-то помог.

Она села на диван, сложила руки на коленях. Я остался стоять у окна.

— Мария Викторовна, я понимаю, что вам тяжело возвращаться к этому. Но Виктор Кречетов, по нашим данным, находится в Омске.

Тишина. Лицо не дрогнуло.

— Сейчас или вообще? — спросила она.

— Сейчас. Последние три недели. Камеры зафиксировали его в городе.

Она чуть повернула голову — не на голос, а куда-то в сторону, словно сканируя пространство.

— Зачем он вернулся?

— Это я и пытаюсь выяснить. У вас есть предположения?

Пауза. На этот раз долгая. Она провела ладонью по обивке дивана — не нервно, а скорее проверяя текстуру. Привычка.

— Мне нечего ему дать, майор. Я слепая. Денег нет. Сыну семнадцать, он уже не ребёнок. Чего он хочет — я не знаю.

— Кирилл живёт с вами?

— Да. Он в школе сейчас. Выпускной класс.

Я кивнул, забыв, что она этого не видит. Но она словно считала паузу.

— Вы не кивайте, майор. Я всё равно не увижу. Говорите словами.

— Простите. Привычка.

— Ничего. У всех свои привычки.

Я отошёл от окна, присел на стул напротив неё. Расстояние — метр. Она слышала каждое моё движение.

— Мария Викторовна, в старом протоколе написано, что вы писали заявления на Кречетова до нападения. Три заявления. Кому вы их подавали?

— Участковому. Фамилию не помню. Молодой парень, года двадцать три, наверное. Он говорил — это ваши семейные дела, давайте без крайностей.

— Вы попали в край.

— Да. Но приходиться было уже некому. И нечем.

Она сказала это без надрыва. Как констатируют погоду. Я записал в блокнот: «Участковый, установить личность». Потом подумал и дописал: «Халатность».

— Скажите, после нападения Кречетов пытался с вами связаться? Письма, звонки, через третьих лиц?

— Нет. Тишина. Одиннадцать лет тишина. Я думала, он умер. Или сидит где-то. А он, выходит, просто ждал.

— Чего ждал?

Она повернула голову ко мне. Впервые за весь разговор — прямо к лицу, как будто видела. Белёные глаза смотрели сквозь, но поза была точная.

— Этого я тоже не знаю, майор. Но если вы его найдёте, спросите. Обязательно спросите.

— Спрошу.

Она встала, давая понять, что разговор окончен. Я поднялся следом. В коридоре, уже обуваясь, заметил на стене фотографию в рамке. Единственную. Мальчик лет семи, смеётся, держит в руках бумажный кораблик. Снимок сделан до всего.

— Это Кирилл? — спросил я.

— Да. Ему там шесть. За месяц до того, как...

Она не договорила. Я и так понял.

— Мария Викторовна, я ещё зайду. Если что-то вспомните, позвоните.

Я протянул визитку. Она взяла, не глядя, провела пальцами по краю — считала формат.

— Тут телефон шрифтом Брайля не напечатан, майор.

— Я продиктую. Запомните?

— Диктуйте.

Я продиктовал. Она кивнула и закрыла дверь.

В машине я долго сидел, не заводя двигатель. Смотрел на окна третьего этажа. Там, за стеклом, двигался силуэт — Мария поливала герань. Обычный бытовой жест. Рутинный. Одиннадцать лет рутины в квартире, где тебе выкололи глаза.

Участковый, который отмахивался от заявлений. Кречетов, который вернулся без видимой причины. Пацан, который в шесть лет видел то, что не должен был видеть. А теперь ему семнадцать, и он молчит.

Я завёл двигатель.

«Аура» ждала меня в участке. У неё явно было что сказать.

Глава 2

Участкового звали Рябов Олег Станиславович. Пятьдесят четыре года. На пенсии. Живёт в Чкаловском, в частном секторе.

Эти данные мне скинул Серёжа через полчаса после моего звонка. Ещё через час я уже парковался у покосившегося забора из профлиста. Дом — старая кирпичная коробка под шиферной крышей. Во дворе — пустая собачья будка, на верёвке висело заледеневшее полотенце. Калитка открыта.

Рябов колот дрова. Увидел меня, отставил топор к поленнице, вытер ладони о ватник. Взгляд спокойный, оценивающий. Бывший опер, даже пенсионный, чует коллегу за версту.

— Майор Метростроев, — я показал удостоверение.

— В отставке уже, майор, — он кивнул на удостоверение, даже не всматриваясь в корочку. — Чего надо?

— 2013 год. Самойлова Мария Викторовна. Три заявления от неё на бывшего мужа. Вы были участковым на том участке.

Рябов замер. Руки опустил. Пауза — три секунды. Достаточно, чтобы понять: помнит.

— Проходи, — он кивнул на дом. — Чайник поставлю.

Внутри пахло старым деревом и табаком. Кухня крохотная, но прибранная. Рябов жил один — ни женских вещей, ни фотографий. Только кружка с гербом МВД на полке.

Он налил чай, сел напротив, закурил.

— Самойлова. Да, помню. Что с ней?

— Жива. Слепая. Кречетов объявился в Омске спустя одиннадцать лет.

Рябов затянулся, выпустил дым в форточку.

— Я знал, что он вернётся. Такие всегда возвращаются.

— Почему?

— Потому что им мало того, что они сделали. Им нужно закончить.

Он потушил сигарету, хотя она ещё дымила. Пальцы дрожали — не от возраста, от нервов.

— Ты за мной приехал, майор? Спрашивай. Только быстро. У меня давление.

— Вы трижды принимали заявления от Самойловой. Трижды не дали делу ход. Почему?

— Потому что мне сказали не давать.

Я отставил кружку.

— Кто?

— Мой начальник на тот момент. Подполковник Зарубин. Сейчас он уже в области, вроде, или уволился. Не знаю точно. Он вызвал меня после второго заявления и сказал: «Кречетова не трогай». Прямым текстом. Я спросил — почему. Он ответил: «Потому что он не просто бывший муж. У него есть друзья. Серьёзные люди. Ты молодой, хочешь до пенсии дослужить — не лезь».

— И вы не полезли.

— Я пытался, — он резко поднял голову. В глазах что-то вспыхнуло. — Ты думаешь, я спал спокойно? Я к ней домой ходил. Говорил: «Мария, уезжай. Хоть куда. В деревню к родне. Сними квартиру. Он тебя убьёт». А она: «Куда я с ребёнком? У меня ничего нет». И смотрела на меня, как... как на последнюю надежду. А я уходил.

Он замолчал. Смотрел в стену.

— А потом я узнал, что он с ней сделал, и... — он махнул рукой.

Табу. Я молча кивнул. Он понял.

— Фамилия Зарубина есть в деле? — спросил я.

— Должна быть. Он неофициально приказывал, но заявления-то лежат в архиве. Я их не уничтожал. Боялся. Думал, когда-нибудь пригодятся.

— Пригодились.

Я встал, достал из кармана диктофон — старый, но рабочий.

— Олег Станиславович, я запишу ваши показания. Официально. Вы готовы?

Он посмотрел на диктофон. Потом на меня.

— А смысл? Меня же не посадят. Срок давности.

— Я не сажать вас пришёл. Я хочу понять, кто крышевал Кречетова. И крышет ли до сих пор.

Рябов кивнул. Я включил запись.

Через двадцать минут я выходил из дома с флешкой в кармане. На ней — признание, которое стоило одиннадцати лет темноты для Марии Самойловой. И новая зацепка: Зарубин. Если жив, если на свободе — он мой следующий визит.

В машине звякнул ноутбук. «Аура» прислала короткий пакет:

Камеры «Безопасный город». Перекрёсток Нефтезаводская — 22 Апреля. Объект зафиксирован вчера, 17:42. Направление движения — в сторону Чкаловского посёлка. Вероятность совпадения — 91%.

Я перечитал сообщение дважды.

Чкаловский посёлок. Тот самый, где живёт Рябов.

Кречетов вернулся не просто в Омск. Он начал обходить старые связи. Или старых свидетелей.

Я набрал Рябова. Длинные гудки. Пять. Десять.

Трубку не взяли.

Я развернул машину.

Глава 3

До Чкаловского я долетел за пятнадцать минут. Двор Рябова встретил меня тишиной. Собачья будка по-прежнему пуста. Полотенце на верёвке уже не висело — валялось на земле, присыпанное свежим снегом. Калитка приоткрыта.

Плохой знак. Рябов был аккуратистом. Забор для него — граница, замок — принцип.

Я вошёл во двор, стараясь не шуметь. Снег под ногами скрипнул всего дважды. Дверь в дом оказалась не заперта. Я снял пистолет с предохранителя и шагнул внутрь.

Кухня пуста. Чашки на столе, наши с ним, обе недопитые. Окурок в пепельнице ещё тёплый. Запах табака смешался с чем-то другим. Железным. Свежим.

Я прошёл в комнату.

Рябов лежал на полу лицом вниз. Руки раскинуты, правая сжимала мобильник. Мой последний входящий — пропущенный, который он не успел взять. На затылке — удар чем-то тяжёлым. Крови немного, но поза неестественная. Шея вывернута. Контрольный.

Я не стал подходить ближе. Опустился на корточки у дверного проёма, оглядел пол. На линолеуме — свежие царапины от каблуков. Кто-то волоком тащил тело от окна. Убийца вошёл через заднюю дверь, пока Рябов смотрел в форточку или наливал чай. Быстро. Без шума. Профессионально.

Я достал телефон, набрал дежурку. Короткий доклад, адрес. Через пятнадцать минут здесь будет опергруппа. А пока у меня есть форточка во времени. Пятнадцать минут, чтобы понять, что искал убийца — и успел ли найти.

На кухне — ничего не тронуту. Я открыл ящики стола. Ложки, вилки, старые батарейки, просроченный талон на приём к кардиологу. В углу — потёртый портфель. Замок сорван наспех. Я вытряхнул содержимое на пол. Папка с квитанциями, старая записная книжка, пара конвертов. И фотография.

Чёрно-белая, с размытыми краями. Групповой снимок, какие вешают на доски почёта. На обороте — синяя ручка: «Омск, УМВД, 2012 год. Личный состав». Я взгляделся в лица. Рябов — молодой, с усами, стоит во втором ряду. Рядом с ним — широкоплечий мужчина с погонами подполковника. Зарубин. А чуть левее, в штатском, с волчьей улыбкой — Кречетов.

Меня кольнуло. Кречетов на снимке личного состава УМВД. Не задержанный, не свидетель. Свой. Какого чёрта?

Я перевернул фото. В уголке — ещё одна надпись, свежая, шариковой ручкой. Почерк Рябова: «Витя Кречет. Инструктор. Работал с нами по контракту».

Инструктор по рукопашному бою. ЧОП «Гранит» был просто прикрытием. Основная работа — тренировать личный состав. Своих будущих преследователей.

Рябов хранил этот снимок двенадцать лет. Знал, что рано или поздно он понадобится. И он понадобился. Только слишком поздно.

Я убрал фото во внутренний карман куртки. Больше в портфеле ничего ценного. Убийца тоже ничего не нашёл — портфель был вскрыт до меня. Значит, он искал. Но не нашёл.

Или нашёл, но не здесь.

Я вышел во двор. Под навесом стоял старый мотоцикл «Урал» с коляской. В люльке — промасленная ветошь, инструменты, канистра. Под ветошью — коробка из-под обуви. Я открыл. Внутри — старая кобура, грамота за добросовестную службу, несколько исписанных тетрадей. И конверт без марки.

В конверте — листок в клетку. Схема от руки. Улицы частного сектора, крестики на перекрёстках. Внизу подпись: «Зарубин. Точки наблюдения. Февраль 2013».

Зарубин готовил наблюдение. Не за Кречетовым — за Рябовым. Или за Марией. Или за обоими.

Я убрал конверт в карман. Пора уходить. Вой сирены уже слышен — опергруппа на подъезде.

Через два часа я сидел в своём кабинете и смотрел на разложенные на столе предметы. Фотография. Схема наблюдения. Распечатка из базы — личное дело Зарубина Виктора Павловича.

Подполковник Зарубин. Пятьдесят девять лет. В 2014 году переведён в областное управление. В 2017-м уволен по состоянию здоровья. Сейчас проживает в посёлке Ростовка, дом с участком. Не женат. Детей нет. Приводов нет. Жалоб нет. Абсолютно чист.

Слишком чист.

Я посмотрел на ноутбук.

— Аура. Что у нас по Зарубину? Связи, финансы, неучтённые активы.

Молчание. Потом строка:

Обнаружены незадекларированные счета в двух региональных банках. Общая сумма поступлений за 2012–2014 годы — 4,8 млн рублей. Источник перечислений не установлен. Вероятность связи с Кречетовым — 76%.

— Распечатай.

Принтер зажужжал. Я взял тёплый лист и усмехнулся. Всё тайное становится явным, когда у тебя в помощниках — бывший шпионский софт с даркнета.

Теперь у меня есть адрес Зарубина. И есть причина нанести ему визит. Рябов мёртв. Кречетов где-то рядом. А бывший подполковник, похоже, последний, кто знает, зачем спустя одиннадцать лет палач вернулся на место казни.

Я набрал Веронику.

— Сегодня буду поздно.

— Опять? — в голосе ни упрёка, просто констатация.

— Труп в частном секторе. Бывший коллега.

— Это опасно?

— Пока нет. Но я осторожен.

— Пёс скучает. Я тоже.

Я улыбнулся. Редкость.

— Передай Угольку, что завтра гуляю с ним. Алисе — что обещанный торт будет.

— Она запомнила. Ты же знаешь, дети всё запоминают.

Я повесил трубку. Посмотрел на схему наблюдения. Крестики на перекрёстках. Ростовка будет завтра.

А сегодня надо ехать к Марии. Она должна знать, что Рябов мёртв. И что Кречетов — не просто бывший муж с ножом, а человек, которого система впустила внутрь. И закрыла за ним дверь.

Глава 4

К Марии я приехал затемно. В окнах третьего этажа горел свет — жёлтый, неяркий, пробивающийся сквозь плотные шторы. Слепому свет не нужен. Значит, сын дома.

Я поднялся по лестнице, нажал кнопку. Дверь открыли почти сразу. На пороге стоял парень — высокий, худой, с тёмными волосами до плеч. Одет в растянутый свитер с чужого плеча. Глаза серые, цепкие, смотрели настороженно, без тени страха.

— Кирилл Самойлов? — уточнил я.

— Допустим. А вы тот самый опер, который вчера мать допрашивал?

Голос ломкий, подростковый, но интонация — взрослая. Жёсткая. С вызовом.

— Я не допрашивал. Разговаривал.

— Это одно и то же, когда ты слепой и сидишь на диване, а над тобой стоит мужик с корочкой.

Я промолчал. Парень посторонился, пропуская в коридор.

— Мам, к тебе опять.

Мария вышла из комнаты — всё та же прямая спина, всё тот же точный шаг. Узнала по дыханию.

— Майор. Что-то случилось?

— Рябов убит. Бывший участковый. Сегодня днём, у себя дома.

Она замерла. Только пальцы сжались в кулаки — побелели костяшки.

— Кто?

— Пока не знаю. Но за час до смерти он дал мне показания. О том, что Кречетова покрывал его начальник. И о том, что он предупреждал вас — уезжайте.

Мария медленно опустилась на стул в прихожей. Кирилл стоял у стены, скрестив руки. Лицо застыло.

— Я помню, — тихо сказала она. — Он приходил. Три раза. Говорил — уезжай, Маша, он тебя убьёт. А я... у меня мать лежащая была в соседней комнате. Куда я с ней? Куда с ребёнком? Думала, обойдётся.

Она замолчала. Пальцы разжались, легли на колени ладонями вверх — открытый жест беспомощности.

— Мария Викторовна, есть вещи, которых нет в протоколе. Я читал ваш допрос. Там сказано: Кречетов пришёл, ударил, сел сверху, выколол глаза. Но это не вся правда, верно?

Пауза. Кирилл у стены напрягся. Я заметил, как у него дёрнулась щека.

— Не вся, — сказала Мария.

— Расскажите.

— Зачем? Что это изменит?

— Поможет понять, зачем он вернулся.

Она вздохнула. Пальцы снова сжались.

— Хорошо. Слушайте. Только не перебивайте. Я один раз это скажу, и больше никогда.

Я сел на корточки напротив неё. Чтобы быть на одном уровне. Чтобы она слышала, что я рядом, а не сверху.

— Он пришёл около восьми. Я открыла. Он был спокоен. Не кричал, не угрожал. Просто сказал: «Давай чай попьём, поговорим о будущем». Я поверила. Поставила чайник. Кирилл был в комнате, играл. Витя сел за стол, смотрел на меня и улыбался. А потом сказал: «Ты знаешь, что я тебя никогда никому не отдам? Знаешь, да?» Я ответила — мы уже в разводе, Витя. У тебя своя жизнь, у меня своя. Он встал и ударил. Один раз, в челюсть. Я упала.

Она говорила ровно, будто зачитывала чужую историю.

— Потом он перевернул меня на спину, сел на грудь. У него в руке был нож — мой собственный кухонный, я им овощи резала. Он сказал: «Ты на других мужиков смотришь. Я это знаю. Ты думаешь, я слепой? Нет, Маша. Слепой будешь ты». И начал. Сначала правый глаз. Потом левый. Я кричала. Кирилл стоял в дверях и смотрел. Витя ему сказал: «Смотри, сынок, что бывает с теми, кто предаёт». А потом... потом всё. Темнота.

Я молчал. Сзади раздался голос Кирилла — тихий, сдавленный:

— Я не просто смотрел. Он заставил меня считать.

Я обернулся. Парень стоял всё так же у стены, но теперь руки висели вдоль тела, а глаза стали пустыми, как у матери.

— Что считать?

— Удары. Он говорил: «Считай, сынок. Раз, два, три». Я считал. До восьми. На восьмом мама перестала кричать. Он остановился, вытер нож о её платье и ушёл.

Тишина в прихожей стояла такая, что я слышал, как на кухне капает вода из крана.

— Ты давал показания тогда, — сказал я. — Почему этого не было в протоколе?

— Потому что следователь не спрашивал. А психолог сказала — не надо травмировать ребёнка. Мол, я и так в шоке, пусть просто подпишет, что подтверждает.

— И ты подписал.

— Мне было шесть. Я хотел, чтобы всё закончилось.

Я кивнул. Встал. Посмотрел на Марию. Она сидела неподвижно, только по щеке медленно сползала слеза — редкая, скупая, словно организм забыл, как плакать, и выдавливал влагу по капле.

— Мария Викторовна. Кирилл. То, что вы мне сейчас рассказали, останется здесь. Я использую это, чтобы понять его логику. Но в суде вам придётся повторить. Если дойдёт до суда.

— Дойдёт? — спросил Кирилл.

— Я сделаю всё, чтобы дошло.

Парень посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Тогда я повторяю. Я всё помню. Каждый удар.

Я попрощался и вышел на лестничную клетку. Прислонился к холодной стене. Внутри что-то гудело — не ярость, нет. Ярость мешает. Это было что-то другое. Холодное, как апрельский лёд во дворе.

Мальчик считал удары.

Восемь.

Я достал телефон и набрал Гордеева.

— Серёжа, мне нужно всё, что есть на Зарубина. Финансы, звонки за последний месяц, передвижения. И ещё — подними данные по Ростовке. Завтра я туда еду.

— Понял. Вань, ты как?

— Нормально.

— Врёшь.

— Работаем, Серёжа. Потом поговорим.

Я спустился к машине. Завёл мотор. Нужно домой. К Веронике. К Угольку. К Алисе, которая ждёт торт.

Но перед этим — ещё одно дело. Я достал из бардачка фотографию, которую забрал у Рябова. Личный состав УМВД, 2012 год. Кречетов улыбается в объектив.

Завтра я покажу этот снимок Зарубину. И посмотрю, как быстро исчезнет улыбка с лица его бывшего коллеги.

Глава 5

Домой я добрался к одиннадцати. В окнах горел свет — Вероника не спала. Ждала.

Я поднялся на свой этаж, открыл дверь. В коридоре меня встретил Уголёк — чёрный щенок с белой кляксой на груди, который за два месяца вымахал в небольшую лошадь. Он ткнулся мокрым носом в ладонь, завиллял хвостом, едва не сбив с тумбочки зонт.

— Тихо, тихо, — я потрепал его за ухом. — Всех соседей разбудишь.

Вероника вышла из кухни. Домашний халат, волосы собраны в небрежный пучок. Уставшая. Красивая. Моя.

— Ты обещал в девять.

— Появился труп.

— У тебя каждый день появляется труп, Ваня.

Я промолчал. Прошёл на кухню, сел за стол. Вероника поставила передо мной тарелку — макароны с котлетой. Разогретые. Она всегда оставляла ужин, даже если я говорил «не жди».

— Алиса спит? — спросил я.

— Спит. Но перед сном спросила, когда папа Ваня придёт и будет ли торт.

— Будет. Завтра. Или послезавтра.

— Ты каждый день это говоришь.

Я отложил вилку. Посмотрел на неё.

— Вероник, у меня сейчас сложное дело. Очень. Я не могу бросить.

— Ты никогда не можешь бросить. В этом и проблема.

Она села напротив, обхватила ладонями кружку с чаем. Взгляд прямой, спокойный. Так смотрят не на врага — на партнёра, с которым давно пора сверить часы.

— Ваня, я не прошу тебя уволиться. Я прошу иногда приходить раньше, чем дочь засыпает. Она растёт. Она запоминает. И запоминает она не торты, а то, что тебя нет.

— Я знаю.

— Знаешь — сделай.

Пауза. Уголёк подошёл к миске, громыхнул ею об пол — пустая. Я встал, насыпал корм. Вернулся к столу.

— Завтра еду в область. К бывшему подполковнику, который покрывал убийцу. Если повезёт — вернусь к вечеру. Если нет...

— Не продолжай. Я сама закончу. Если нет — ты опять позвонишь в одиннадцать и скажешь «прости».

Она встала, подошла сзади, положила руки мне на плечи. Я накрыл её ладонь своей.

— Я справлюсь.

— Ты всегда справляешься. Только иногда мне кажется, что ты справляешься один. А я здесь. Я тоже здесь, Ваня.

Я развернулся, обнял её. Она прижалась щекой к моему плечу. Мы стояли так минуту. Две. Потом Уголёк гавкнул — ревновал.

— Ладно, — она отстранилась, улыбнулась уголком губ. — Иди спать. Завтра твой подполковник сам себя не допросит.

Я кивнул. Пошёл в комнату, разделся, лёг. Вероника легла рядом, отвернулась к стене. Через пять минут её дыхание стало ровным.

Я лежал и смотрел в потолок. Думал о Марии Самойловой, которая одиннадцать лет живёт в квартире, где ей выкололи глаза. О Кирилле, который считал удары. О Рябове, который пытался помочь, но не смог. О Зарубине, который завтра ответит за всё.

И о Веронике. Которая права. Которая всегда права. И которую я снова подведу завтра. Или послезавтра. Или через неделю.

Утром я встал в шесть. Вероника ещё спала. Я тихо оделся, проверил пистолет, положил в карман фотографию и схему наблюдения. На кухне написал записку: «Торт будет. Честно. Люблю. В.»

Уголёк проводил меня до двери, ткнулся носом в колено. Я потрепал его за ухом и вышел на лестничную клетку.

В машине пахло вчерашним табаком и холодом. Я завёл двигатель, достал телефон. «Аура» прислала пакет данных по Зарубину ещё ночью — три файла, включая банковские выписки и маршрут до Ростовки.

Я открыл первый файл. Незадекларированные счета. Поступления в 2012–2014 годах. Суммы круглые, даты совпадают с заявлениями Марии. Кто-то платил Зарубину за молчание. Скорее всего — сам Кречетов. Или его друзья.

Второй файл — биллинг. Зарубин последние три недели активно созванивался с неким абонентом, зарегистрированным на подставное лицо. Номер тот же, что засветился у Рябова. Тот же, что «Аура» ведёт как возможный контакт Кречетова.

Третий файл — адрес. Ростовка, улица Центральная, дом 14. Фотография со спутника: добротный кирпичный особняк, высокий забор, гараж на две машины. Бывший подполковник не бедствовал.

Я выехал на трассу. Утренний туман стелился над асфальтом, как дым от чужого пожара. До Ростовки — сорок минут. Сорок минут тишины и дороги.

Я думал о том, что скажу Зарубину. О том, как он отреагирует. О том, что если он связан с Кречетовым, он уже знает о смерти Рябова. И, возможно, ждёт меня.

Плевать.

Я достал из кармана фотографию. Личный состав УМВД, 2012 год. Тридцать три человека. Рябов — ещё живой, ещё верящий в систему. Зарубин — широкоплечий, с уверенным взглядом начальника. Кречетов — с краю, в штатском, улыбается.

Три человека. Двое уже мертвы. Третий — я еду к нему.

Я убрал фото и нажал на газ. Трасса была пустой.

Глава 6

Ростовка встретила меня тишиной. Сонный посёлок в три улицы, тополя вдоль обочин, покосившиеся заборы и редкие прохожие, провожающие машину долгими взглядами. Чужой здесь — событие.

Дом номер четырнадцать по Центральной выделялся сразу. Кирпичный, двухэтажный, с мансардой и гаражом на две машины. Забор высотой в человеческий рост, калитка с видеодомофоном. Бывший подполковник жил так, словно до пенсии занимался не участковыми, а нефтяным бизнесом.

Я нажал кнопку вызова. Динамик ожил не сразу.

— Кто?

Голос хриловатый, но твёрдый. Не старик.

— Майор Метростроев, уголовный розыск. Виктор Павлович Зарубин?

Пауза. Секунда. Вторая.

— По какому вопросу?

— По старому. 2013 год. Самойлова Мария Викторовна.

Ещё одна пауза. Длиннее.

— Проходите.

Замок щёлкнул. Я толкнул калитку и вошёл во двор. Чистые дорожки, расчищенные от снега. Справа — мангал, зачехлённый на зиму. Слева — вольер. Пустой. Собаки нет. То ли сдохла, то ли Зарубин не держал — не хотел лишнего шума.

Хозяин стоял на крыльце. Крупный мужчина под шестьдесят, седой ёжик, тяжёлый подбородок. Одет в тёплый свитер и домашние штаны. В руке — кружка с чаем. Взгляд спокойный, оценивающий. Так смотрят бывшие опера, которые знают: если к тебе пришли, то не просто так.

— Чай будете?

— Буду.

Внутри дом оказался обставлен дорого, но безвкусно. Кожаные диваны, плазменная панель на полстены, охотничьи трофеи над камином. Кабанья голова смотрела на меня стеклянными глазами. Зарубин прошёл на кухню, поставил чайник, достал вторую кружку.

— Садитесь. Итак, Самойлова. Старое дело.

— Очень старое. Одиннадцать лет.

— Я помню. Она тогда заявление писала. Три раза, кажется.

— Три. И все три вы спустили в унитаз.

Зарубин поставил кружку на стол — аккуратно, без стука. Сел напротив. Взгляд по-прежнему спокойный.

— Давайте без эмоций, майор. Вы приехали ко мне домой, пьёте мой чай. Говорите прямо — что вам нужно?

— Мне нужно знать, кто приказал вам не давать ход заявлениям Самойловой. И кто платил вам за это.

Я выложил на стол фотографию. Групповой снимок, 2012 год. Зарубин скользнул по нему взглядом, но лицо не изменилось.

— Это откуда?

— Из личного архива Рябова. Олега Станиславовича. Он был вашим подчинённым.

— Помню такого. Молодой, глупый. Слишком впечатлительный.

— Вчера его убили. В собственном доме.

Вот теперь Зарубин дрогнул. Не лицом — пальцами. Чуть сжались вокруг кружки.

— Соболезную. Но я здесь причём?

— При том, что за час до смерти Рябов дал показания. На вас. Вы лично приказали ему не трогать Кречетова. Вы сказали, что у Кречетова есть серьёзные друзья. И вы знали, кто эти друзья.

Я достал второй лист — банковские выписки. Положил рядом с фотографией.

— Четыре миллиона восемьсот тысяч рублей. Поступления в 2012–2014 годах. На счета, которые вы не задекларировали. Источник не установлен, но хронология совпадает с заявлениями Самойловой. Вам платили за молчание. Кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.